

УДК 1(091) + 130:2 + 140:8

Азарова Ю. О.
Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина

КОНЦЕПЦИЯ «ПОВТОРЕНИЯ» В ФИЛОСОФИИ ДЕЛЕЗА И ДЕРРИДА

Статья содержит сравнительный анализ концепций повторения Ж. Делеза и Ж. Деррида. Хотя оба философа опираются на общее основание, их тематизация повторения серьезно отличается. Делез использует логику и онтологию, где повторение связано с мультипликацией тождества; Деррида – деконструкцию, где повторение связано с расщеплением и альтерацией тождества. Поэтому для Делеза повторение – дифференциально и аффирмативно; а для Деррида – конститутивно и негативно.

Ключевые слова: Жиль Делез, Жак Деррида, повторение, итеративность, *differance*.

Стаття містить порівняльний аналіз концепцій повторення Ж. Дельоза та Ж. Дерріда. Хоча обидва філософа спираються на загальну основу, їхня тематизація повторення суттєво відрізняється. Дельоз використовує логіку та онтологію, де повторення є пов'язаним з мультиплікацією тотожності; Дерріда – деконструкцію, де повторення пов'язується з розщепленням та альтерацією тотожності. Тому для Дельоза повторення – диференційне та афірмативне; а для Дерріда – конститутивне та негативне.

Ключові слова: Жиль Дельоз, Жак Дерріда, повторення, ітеративність, *differance*.

This essay contains comparative analysis conception of repetition in Deleuze's and Derrida's discourses. Both philosophers begins from common principles, but them tematization of repetition are different. Deleuze uses logic and ontology, where repetition defined with multiplication of identity; Derrida uses deconstruction, where repetition tied with separation and alteration of identity. Thus, for Deleuze repetition is differential and affirmative; for Derrida repetition is constitutive and negative.

Key words: Gilles Deleuze, Jacques Derrida, repetition, iterability, *differance*.

«Различие и повторение до такой степени включены друг в друга и прилажены с такой точностью, что уже нельзя сказать, что первично»

М. Фуко

1

Жиль Делез и Жак Деррида – две знаковые фигуры современной французской мысли. Проекты Делеза и Деррида очень близки и часто перекликаются между собой. Оба философа выступают против диктата системы, «тотальности логоса», репрессивной природы «структуры» и «порядка».

Деррида призывает к ревизии концептуальных границ метафизики, проверке ее категориального аппарата, подчеркивая, что «деконструкция философии означает самое последовательное, самое вдумчивое переосмысление структурированной генеалогии ее концептов» [9, с. 14].

Делез также активно «участвует в деконструкции, дает решительную критику репрезентации, заменяет логикой смысла поиск истины, борется с трансцендентальными идеальностями во имя творческой имманентности жизни» [1, с. 16]. Делез защищает плюрализм точек зрения, свободную игру, интеллектуальный риск и эксперимент.

Однако, хотя проекты Деррида и Делеза исходят из общего принципа, они серьезно отличаются друг от друга в мотивации, приоритетах и способе реализации. Это различие – тонкое и почти незаметное – четко проявляется лишь при фронтальном сопоставлении их идей. Наиболее интересный результат подобного *vis-à-vis* дает концепция «повторения».

Таким образом, *цель* моей статьи – сравнительный анализ моделей повторения Делеза и Деррида. Для этого необходимо: 1) обозначить историко-философский контекст изучения проблематики повторения; 2) выявить в нем лакуны и спорные места; 3) прояснить типологию повторения у Делеза и Деррида; 4) эксплицировать характер «перекрестных отношений» между ними.

2

«Повторение – это фундаментальное явление человеческого опыта, наряду с такими феноменами, как время, присутствие, первоначало и бытие» [25, с. 3]. Оно определяет сознание, память, мышление, язык; служит ориентиром в понимании природы, истории, социума.

Повторение привлекает философов уже с древности. Платон, Аристотель, Августин, Абельяр, Макиавелли, Лейбниц, Кьеркегор, Ницше, Фрейд обращаются к повторению при изучении темпоральности, исторического процесса, законов развития общества, механизмов работы психики, *etc.*

Сегодня «повторение» является одним из ключевых понятий научного дискурса. Оно находится в поле зрения математиков, лингвистов, философов. Но именно французская мысль XX века (Лакан, Делез, Деррида, Бадью) поднимает повторение на высокий уровень концептуального анализа.

«Тот факт, что целая плеяда философов, работающих в одной стране и принадлежащих одному поколению, публикует в одно и тоже время похожие вещи, весьма симптоматичен» [22, с. 225]. «Нужно понять, чем обусловлено их сходство, признаком чего служит их появление» [22, с. 225].

3

Данный факт признают не только мыслители, но также их проницательные читатели и критики. Модели повторения Делеза и Деррида по базовым параметрам совпадают и потому служат предметом как самостоятельного, так и компаративного анализа.

Среди работ общего характера, где дан разбор теории повторения Делеза, можно назвать ««Различие и повторение» Делеза» Дж. Вильямса [38], «Ростки жизни: различие и повторение Делеза» К. Пирсон [29], ««Различие и повторение» Делеза» Ф. Стрейче [35], ««Различие и повторение» Делеза» Дж. Хайгеса [26].

Отдельным аспектам и функциям повторения посвящены статьи «Четвертое повторение» З. Баросс [12], ««Различие и повторение»: книга о симулякре» Ф. Бюти [15], «Бросок костей: Жиль Делез и экономия повторения» Д. Конвея [17], «Практики повторения» Ч. Скотта [33].

Авторы подчеркивают, что повторение у Делеза имеет различные грани. Так, Дж. Вильямс анализирует повторение на примерах этики, морали и права. Дж. Хайгес определяет повторение как главный инструмент критики репрезентации. Д. Конвей освещает повторение через призму проблем понятия, лингвистики и философии языка.

Ф. Бюти исследует повторение Делеза на фоне платоновской антитезы Идеи и симулякра. Ч. Скотт обнаруживает аналогию между повторением Делеза и «вечным возвращением» Ф. Ницше. З. Баросс описывает связь повторения Делеза с длительностью и синтезом времени А. Бергсона.

4

Проблематика повторения у Деррида изучена значительно меньше и освещается в плане стратегических задач деконструкции. Так, Б. Стокер в книге «Деррида и деконструкция» рассматривает его в контексте полемики Деррида с теорией речевых актов Дж. Остина и Дж. Серла [34].

Дж. Капуто в работе «Повторение, деконструкция и герменевтический проект» мыслит деконструкцию как радикализацию герменевтики в направлении постметафизической рациональности и указывает, что именно повторение выполняет главную роль в данном процессе [16].

Р. Гаше в книге «Амальгама зеркала: Деррида и философия рефлексии» определяет повторение (итеративность) как базовый элемент инфраструктурной цепочки, который вместе с *arche-écriture, arche-trace, differance, supplement, etc.*, репрезентирует Иное по отношению к метафизике и образует «систему по ту сторону бытия» [24].

Х. Путианен в статье «Итерация и истина: пять ориентаций мышления» считает итеративность Деррида металоогическим принципом, подобно неразрешимостям К. Геделя [30]. Г. Берн («Деррида без пристрастия: повторение – итеративность – аналитика» [13]) и С. Рендал («Перевод, цитация, итеративность» [31]) напротив, называют ее логическим принципом и объясняют на моделях структурной лингвистики.

5

Принимая во внимание точки пересечения между Деррида и Делезом, существенный интерес представляют компаративные исследования. Книги Т. Мэя «Пересматривая различие: Нанси, Деррида, Левинас и Делез» [27] и С. Гендрон «Повторение, различие и знание у Беккета, Деррида и Делеза» [25] предлагают новый взгляд на эпистемологическую роль различия и повторения.

Работы Г. Шваб «Деррида, Делез, психоанализ» [32] и П. Тисинато «Само-отношение: бессознательное мышление в эпоху телетехнологии» [36] освещают повторение на основе фрейдистского анализа памяти и интерпретации «мнезического следа» у Деррида и Делеза.

В статьях Г. Берна «Дифференцируя Деррида и Делеза» [14] и Дж. Нилона «*Differance* и повторение: Деррида и Делез о перформативной силе» [28] повторение фигурирует как составная часть проблем семиологии, текстологии и теории перформативов.

М. Ватте в докладе «Макиавелли, историческое повторение и французская философия различия» [37] описывает повторение как элемент политического дискурса, как критику настоящего и возвращение к истоку. Повторение – это революционный акт, противостоящий времени как линейному континууму.

6

Данные исследования, безусловно, содержат глубокий анализ философии Делеза и Деррида, дают квалифицированную оценку их ключевых тезисов и положений. Однако многие аспекты теории повторения французских мыслителей до сих пор малоизучены.

Во-первых, не показана роль повторения в дискуссии о том, какой формат принимает отношение между тождеством, различием и повторением в условиях критики тождества как основополагающего принципа мышления.

Во-вторых, не ясно выступает ли повторение новым трансцендентальным принципом? Если – да, тогда как повторение оказывает сопротивление тотализации и формированию новых порядков общности? Если – нет, то каков его статус?

В-третьих, не совсем понятен механизм корреляции различных форм повторения. Насколько они близки или удалены друг от друга? Эквивалентны ли они? Могут ли они быть субститутами? Являются ли они антиподами?

В-четвертых, слабо маркирована дистинкция между повторением и репрезентацией; не представлен критерий разграничения «повторения понятия» и «понятия повторения»; не указана специфика производства «дискурса повторения»; отсутствует его всесторонняя проверка на идеологичность, *etc.*

Учитывая эти лакуны, я также планирую прояснить ставки современной «философии различия и повторения»; обозначить топос повторения в системе конституирующих принципов; определить признаки разных форм повторения; уточнить отношение между повторением и репрезентацией.

7

Программа «различия и повторения», маркирующая парадигму постмодерна, ставит под вопрос не только «тождество» как главную фигуру модерна, но и те «центрирующие философемы», которые, опираясь на тождество, образуют фундамент модерна: истина, бытие, сущность, субстанция, основание, субъект, *cogito*.

Смена парадигм, – отмечает Делез, – связана с «открытием тех сил, которые действуют под воспроизведением тождественного» [3, с. 9]. Данное открытие показало, что «все тождества только симулированы, возникая как “оптический эффект” более глубокой игры различия и повторения» [3, с. 9].

Действительно, прежде философы полагали, что тождество – первично, автономно, самодостаточно; а повторение – вторично. Повторение – лишь воспроизведение того же самого. Повторение дополнительно по отношению к тождеству. Поэтому повторение не разрушает его целостность и полноту.

Между тем, новые исследования убедительно доказывают, что *повторение не только вписано в структуру тождества, т. е. имманентно присуще ему; но также изначально по отношению к тождеству*, т. к. именно повторение позволяет тождеству выполнять свою онтологическую функцию.

8

Развивая концепцию повторения, Делез и Деррида выдвигают ряд близких научных положений, основным из которых является *тезис о фундаментальной связи между различием и повторением*.

Делез в предисловии к «Различию и повторению» анонсирует это так: «У истоков моей книги два направления исследования: первое относится к понятию различия <...>; второе касается повторения, когда физические, механические или открытые повторения обнаруживают свою причину в более глубоких структурах скрытого повторения, где маскируется и смещается “дифференциальное”. Оба этих направления соединились потому, что понятия чистого различия и сложного повторения <...> совпадают» [3, с. 10].

Деррида аналогично отмечает, что различие и повторение имплицитуют друг друга, т. к. повторение объекта всегда сопровождается его изменением. Повторяемый объект – это парадоксальный объект: он *тот же самый* и, одновременно, *другой*. Здесь «итерация создает альтерацию» [20, с. 7].

9

Хотя в анализе повторения Делез и Деррида исходят из общих идей, способ тематизации повторения они предлагают разный. Делез считает, что повторение не воспроизводит тождество, а трансформирует его; повторение выводит тождество за собственные концептуальные рамки.

Для Делеза главная проблема состоит в том, «почему повторение не поддается объяснению через форму тождественности понятия или представления?» [3, с. 34]. Это происходит потому, считает он, что «повторение дробит само тождество», [3, с. 327], «заставляя его существовать во множестве образцов» [3, с. 327].

Деррида интересуется совсем иная проблема: как повторение вписано в тождество? Он утверждает, что повторение – это априорное условие существования любого объекта. Даже если объект имеет место как уникальный феномен, он включает в себя повторение в качестве структурно необходимой возможности своего существования.

Соответственно, Делез постулирует, что повторение определяет тождество и онтологизирует его. Деррида же настаивает на том, что повторение, с одной стороны, создает тождество, конституирует его, а с другой – расщепляет, дестабилизирует его.

10

Различие в акцентах приводит к своеобразному *смещению* самой концепции повторения, которое находит отражение в терминологии. Делез, наряду с «повторением», использует термины «итерация» и «рекурсивность». Деррида же часто оперирует понятием «итеративность».

Принимая во внимание, что данные термины имеют свою специфику, я не смешиваю и не генерализирую их логическую функцию, а скорее исследую их роль в модели повторения Делеза и Деррида. Это замечание позволяет мне сразу обозначить первое, прозрачное и очевидное, отличие их проектов.

Другое отличие, скрытое и требующее детальной нюансировки, обусловлено выбором ключевой стратегии мышления: *утверждением* и *отрицанием*. Тематизируя повторение, Делез однозначно отдает приоритет «аффирмативности». Деррида работает с «да» и «нет», но чаще апеллирует к «негативности».

Чтобы показать это четко и ясно, я предлагаю нетрадиционное решение: *сопоставить две концепции повторения через анализ роли итеративности в философии Деррида и роли повторения в проекте Делеза*. Подобная схема также эксплицирует «перекрестное» отношение между ними.

11

Исходным пунктом анализа я возьму тезис Делеза о *двух типах повторения*: «Первое повторение – это повторение, объясняемое тождественностью понятия и представления. Второе повторение включает различие и само включается в изменчивость Идеи. Одно – отрицательно из-за недостаточности понятия, другое – утвердительно из-за избыточности Идеи» [3, с. 39-40].

Первое повторение – это результат *неполноты* или *нехватки* понятия; второе повторение – результат *полноты* или *избытка* понятия. Деррида исследует оба типа

повторения. Для тематизации первого он привлекает понятие *differance*, а для второго – *итеративность*.

Делез использует только одно понятие – повторение (*repetition*), но подчеркивает важную роль семантики и прагматики, т. к. проблема повторения – в двух типологических вариантах – тесно связана с фигурами «концепта» и «понятия» как операторами логического мышления.

Теперь, чтобы представить это конкретно, рассмотрим концепции Делеза и Деррида более подробно, попутно заметив, что Делез описывает повторение на примерах из логики и онтологии, а Деррида – на примерах из семиотики и лингвистики.

12

В книге «Различие и повторение» Делез ставит вопрос: *что такое повторение?* Его прояснение требует изучения не только природы *повторения*, но и природы *понятия*, т. к. сущность повторения определяется его дефиницией или понятием.

Из курса логики нам известно, что любое понятие тесно связано с повторением. Понятие фиксирует то, что *повторяется* в объекте – «сущность» или «ядро», – благодаря которой мы узнаем данный объект в различных контекстах. Тем самым, понятие обнаруживает *тождество* объекта, служит его идентификации.

Отсюда закономерно вытекает следующий вопрос: *как понятие фиксирует тождество и различие объектов?* Это, – полагает философ, – зависит от способа «учреждения понятия». Делез выделяет два способа образования понятий: *логический* и *естественный* [3, с. 28].

Если понятие формируется путем «логической блокировки», то оно схватывает «формальное тождество» объектов. А если «объекты блокируются в понятие естественным путем», то возникает «реальное тождество» на основе повторения. Соответственно, понятия функционируют по-разному.

13

Далее Делез описывает три типа понятий, формирующих свой объем путем *естественной* блокировки: 1) «номинальные понятия»; 2) «понятия природы»; 3) «понятия свободы». Такая типология четко и прозрачно эксплицирует механизм работы повторения.

В первом случае повторение происходит потому, что «номинальное понятие», имеющее конечное содержание и бесконечный объем, при своей реализации сужает объем так, что обнаруживаются повторяющиеся объекты, которые включены в этот объем. (Например, имя собственное имеет бесконечный объем, но его реализация связана с одним объектом, который носит это имя; другие объекты, обладающие данным именем, повторяются по отношению к нему).

Во втором случае повторение обнаруживает себя потому, что «понятия природы» относятся к явлениям, которые изменяются или повторяются независимо от того, что зафиксировано о них в понятии. Отсюда, «понятия природы» – это понятия с неопределенным содержанием. Они способны расширять свое содержание, вбирая в себя неопределенное множество объектов.

В третьем случае повторение заявляет о себе через вытеснение. «Понятия свободы», т. е. понятия, обозначающие социальную сферу, сохраняют свое содержание, но не фиксируют в нем собственный исток. Здесь «повторение выступает как бессознательное свободного понятия» [3, с. 29]. «Повторение есть результат процесса вытеснения, на которое указал еще Фрейд» [3, с. 29] [* 1].

14

Анализируя типологию понятий, Делез приходит к парадоксальному выводу. С одной стороны, понятие фиксирует повторение и, тем самым, открывает его для изучения; а с другой стороны, понятие часто скрывает или вуалирует повторение, представляя его как «непонятное различие» [3, с. 28].

Действительно, изучение понятия показывает, что *повторение в ряде случаев касается таких объектов, которые обозначаются одним словом, но в то же время отличаются друг от друга.* Тогда необходимо признать существование непонятных различий между объектами.

Значит, *логика не артикулирует повторение на уровне понятия.* Да, повторение связано с понятием, оно схватывается через понятие, но не определяется им. Это – главный «недостаток любого аргумента, основанного на форме тождественности понятия: такой

аргумент дает лишь номинальное определение и отрицательное объяснение повторения» [3, с. 30].

Следовательно, необходимо найти и тематизировать ту сверхпонятийную (*surconceptuel*) силу, которая способна объяснить повторение. А для этого нужен выход за рамки «логики понятия», отказ от презентации и обращение к опыту бытия.

15

Поскольку «повторение предстает как непонятийное различие» [3, с. 28], то оно, – рассуждает Делез, – работает независимо от формы представления. Разрывая с диктатом презентации, повторение «выражает силу <...> сущего, сопротивляющегося любой понятийной спецификации» [3, с. 28].

Если «повторение – это трансгрессия» [3, с. 15], то как ее можно схватить и обозначить? Это осуществляется, – пишет Делез, – путем особой концептуальной работы. Мы должны создать новые концепты «различия» и «повторения», которые не детерминированы презентацией.

Подчеркивая связь между «различием» и «повторением», Делез отмечает, что различие также постоянно смещается, скользит, *откладывает* себя по отношению к собственному определению. Делимитируя классический принцип дефинитивного полагания, Делез предлагает новое видение дифференциации.

«Важно, чтобы различие отсылало к другим различиям <...> так, чтобы каждый элемент ряда, уже будучи различием, находился в изменчивом отношении к другим элементам ряда. <...> Каждая вещь должна быть различием среди различий. Следует показать различие как *отсроченное*» [3, с. 79] [* 2].

16

До тех пор, пока мы будем мыслить по-прежнему, подчиняя различие и повторение «четырем столпам презентации»: тождественности понятия, оппозиции предиката, аналогии в суждении, подобию в восприятии [см.: 3, с. 317], мы – продолжает Делез, – не сможем тематизировать новые концепты.

Определяя повторение презентацией, мы предлагаем лишь «повторение концепта, но не *концепт повторения*». Аналогичное относится и к различию: маркируя его презентацией, мы открываем лишь «концептуальное различие, но не *концепт различия*».

Это весьма важный момент, ибо когда Делез в «Различии и повторении» говорит о понятии как об одном из столпов презентации, то он использует *понятие* (а во французском оригинале книги – *концепт*) совсем иначе, чем в своей последней книге «Что такое философия?», где философия определяется как «искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты» [4, с. 10] [* 3].

Поскольку я фокусирую внимание на «Различии и повторении» Делеза, где понятие (концепт) используется в своем презентативном или пропозициональном смысле, то я применяю понятие (концепт) именно так: заместитель или презентант объекта.

17

Действительно, повторение – таинственная и загадочная операция: если элементы повторяются, то они *различны*; но раз элементы повторяются, то они *тождественны*. «Их тождество должно быть презентативным, а различие – непрезентативным» [14, с. 444].

Есть ли такое непрезентативное различие? Делез считает, что оно существует. Для того, чтобы это доказать, французский философ вступает в полемику с Лейбницем, или, точнее с тем, что Делез называет «вульгаризованным лейбницианством» [3, с. 25] [* 4].

Согласно Лейбницу, представление – это связь понятия со своим объектом. На представлении основан *логический способ* учреждения понятий. Отсюда вытекают три принципа вульгаризованного лейбницианства: 1) любое определение в конечном счете понятийно; оно является частью содержания понятия; 2) понятие соответствует каждой вещи или объекту; 3) одна (и только одна!) вещь соответствует понятию [3, с. 25].

«Совокупность данных принципов, – пишет Делез, – формирует представление о различии как различии понятийном» [3, с. 25]. *Однако понятие всегда может быть заблокировано на уровне каждого из этих определений и даже – на уровне каждого из включенных в него предикатов.*

При логическом способе понятие учреждено так, что *хотя формально содержание понятия бесконечно, конкретное применение понятия всегда влечет за собой искусственную блокировку*. «Логическое ограничение содержания понятия придает ему объем, превышающий единицу» [3, с. 26].

При *естественном* способе образования понятия работает другая блокировка, которая связана с топикой и проявляет себя в ситуации выбора сетки координат или указания места действия. Она имеет онтологический характер.

«Предположим, – размышляет Делез, – что понятию в определенный момент, когда его содержание конечно, насильственно придается место в пространстве и времени, т. е. существование, обычно соответствующее объему понятия равному единице» [3, с. 26]. Тогда мы увидим «разрыв между объемом понятий = 1, навязанным понятию, и объемом понятий = ∞ , которого требует его узкое содержание. Результатом будет “дискретный объем” понятий» [3, с. 26].

«Феномен “дискретного объема” понятий влечет за собой *естественное* блокирование понятия, которое сущностно отличается от *блокирования* логического: оно образует подлинное повторение в существовании вместо порядка подобий в мышлении» [3, с. 26]. Такое повторение свидетельствует о реальном пределе понятия.

Рассмотрим два примера, которые указывают на то, что содержание понятия не может расширяться бесконечно. *Первый пример* отсылает нас к схеме вульгаризированного лейбницианства. Если мы принимаем три упомянутых принципа, то речь идет о полном понятии.

Если (1) каждая вещь может быть целиком описана посредством ее понятия, или если (2) понятие обозначает одну вещь, или если (3) одна вещь имеет только одно понятие, которое выражает именно ее, то, – говорит Делез, – игра окончена. В данной ситуации у нас не будет ни различия, ни повторения.

Здесь работает известный «закон обратного соотношения содержания и объема понятия» [3, с. 26]. Так, понятие «атом» имеет ограниченное содержание, но неограниченный объем, т. к. включает все атомы. А, скажем, «атом кислорода», напротив, имеет неограниченное содержание, но ограниченный объем, т. к. включает лишь конкретные атомы.

Идея понятийной презентации вещи – это идея *понятия, чей смысл столь полный и исчерпывающий, что ему соответствует лишь одна вещь*. Данное понятие похоже на замок, который можно открыть только одним ключом. Понятие «атом кислорода», конечно, не есть такой замок. Оно отсылает более, чем к одной вещи. Но оно значительно конкретнее, т. к. расширение содержания приводит к сужению объема понятия.

Делез поясняет это так: «один из примеров – атом эпикурейцев <...> он имеет малое содержание, которое восполняется в дискретном объеме понятий так, что существует бесконечное число атомов одинаковой формы и размера» [3, с. 27]. То же самое касается сферы языка – слов, «лингвистических атомов».

«Слово с необходимостью обладает конечным содержанием, т. к. по своей природе оно является предметом номинального определения. Такова причина, в силу которой содержание не может расширяться до бесконечности: слово определяется конечным числом слов. Однако, речь и письмо, от которых оно неотделимо, придают слову существование *hic et nunc*» [3, с. 27].

Аналогично работает повторение. Слово без конечной дефиниции, отсылающее к более, чем одной вещи, реализуется в форме повторения. В конкретной ситуации, «объем слова снова восполняется в дисперсии, дискретности под знаком повторения, образующего реальную силу языка в речи и письме» [3, с. 27].

Таким образом, в языке «повторение – это чистый факт понятия с законченным содержанием, вынужденного перейти в существование» [3, с. 27]. Подобно тому, как атом актуализирует свою функцию в организации материи, так и слово находит свое значение в онтологии языка.

21

Данный пример иллюстрирует весьма важную мысль: *дефиниция понятия всегда конечна и ограничена. А, значит, понятия, образующие дефиницию другого понятия, не являются полными.* Они не могут обозначать лишь одну вещь. Поэтому значение слова определяет не только словарь, но и контекст.

Теперь рассмотрим *второй пример*, когда полных понятий, т. е. понятий с законченным содержанием, нет вообще: «Представим себе, – пишет Делез, – понятие с неопределенным содержанием (виртуально бесконечным)» [3, с. 27]. Что оно обозначает? Каков его референт?

Это понятие обозначает тождественные объекты (серийные товары). Здесь «в отличие от актуальной бесконечности, где понятие просто ограничивается отличием своего объекта от другого, мы встречаем случай, когда понятие <...> одинаковое для различных объектов» [3, с. 27].

В данной ситуации даже индекс не разрешает проблему, т. к. еще Витгенштейн в «Голубой книге» четко показал, что индексальные дефиниции предполагают, а не обосновывают вербальные единицы [см.: 2, с. 342-347]. Следовательно, – резюмирует Делез, – *полных понятий не существует.*

22

Для того, чтобы проверить версию Делеза, я возьму фразу из повседневной практики: «Я хочу угостить вас яблоком». Здесь я говорю о яблоке как объекте вообще. Теперь я могу уточнять до бесконечности: «большое зеленое яблоко сорта “антоновка” из моего сада в сотне километров от Киева».

Под это определение подойдет только одно яблоко, которое находится у меня в руках. Однако даже такое определение не дает полного понятия. Хотя оно обозначает конкретное яблоко, наличное здесь и сейчас, но, в принципе, я могу держать несколько яблок и понятие может представлять любое из них.

Пока я говорю лишь об одном понятии «яблоко». Далее, представим всю цепочку слов, составляющих фразу, или, еще шире, текст. По мере того, как в цепочку включается новое понятие, из нее, соответственно, исключается какое-либо прежнее понятие, но в результате число оставшихся понятий окажется тем же: бесконечным.

Такой принцип прекрасно работает в математике: это происходит так, как если мы, имея бесконечность целых чисел, начнем путем вычитания редуцировать их к одному числу. Мы можем выполнить бесконечное число вычитаний и, тем не менее, останемся с прежней бесконечностью чисел.

23

Теперь вернемся к проблеме повторения. Делез отмечает, что есть два типа повторения. *Первое* повторение – это продукт *неполноты* понятия. *Второе* повторение – результат *полноты* понятия [* 5]. Но *если, по Делезу, полных понятий не существует, тогда как понимать второе повторение?*

Ответ Делеза удивительный и неожиданный. Первое повторение отсылает нас к пучку различий, которые связывают неполные понятия в фразы, высказывания, предложения. Это повторение открыто, т. к. каждый раз происходит выбор в пользу того или иного понятия. В нем «различие дано как внешнее понятию, как различие между объектами» [3, с. 39].

Второе повторение не может быть представлено феноменально. Поскольку полных понятий нет, то оно скрыто. Второе повторение невидимо. Оно избегает презентации. Но оно все же реально существует. В нем «различие – внутреннее Идеи» [3, с. 40].

Здесь Делез приводит пример из кинетической теории газов. Когда температура газа в норме, то газ «спокоен» и «невидим». Но когда температура повышается, то молекулы газа приходят в движение и вызывают взрыв. Температура газа – это молярный эффект невидимой, на первый взгляд, молекулярной активности газа.

Второе повторение работает аналогично температуре газа. Соответственно, о первом повторении Делез говорит как об открытом, которое осязаемо и воспринимаемо; а о втором – как о скрытом, неощутимом, невоспринимаемом: «Одно повторение открыто и объяснено, другое – скрыто и подлежит объяснению» [3, с. 40].

24

Данная аналогия показывает, что различие, которое делает возможным второе повторение, весьма мало, и потому, непрезентативно. «Оно не является ни *единой* инстанцией многих понятий, ни *множеством* инстанций того же самого понятия» [14, с. 447]. Это различие Делез называет «интенсивностью».

Интенсивность маркирует событие, не вписывающееся в круг презентации. Интенсивность – это особый способ индивидуализации, но не субъекта или объекта, а положения и состояния. «Интенсивность – это форма различия» [3, с. 271].

«Непрезентативное различие – это различие интенсивностей» [14, с. 447]. Здесь различие соотносится с различием не через подобие, а через резонанс, который создают интенсивности. Это не отличие одного объекта от другого, а отличие *различия* от себя самого. Именно оно предлагает позитивное объяснение второго повторения.

Таким образом, второе повторение не опирается на тождество, которое дает лишь *повторение понятий*. Второе повторение, основанное на различии, эксплицирует само *понятие повторения*. «Именно оно составляет сущность неконцептуального различия» [3, с. 41].

25

Резюмируя концепцию повторения Делеза, можно заключить следующее:

- Делез выделяет два типа повторения: 1) повторение как совпадение повторяющегося и повторяемого; в основе такого типа повторения лежит представление, связь объекта с понятием; 2) повторение как непонятное различие; данный тип повторения не зависит от представления.

- Первое повторение отсылает к одному и тому же понятию (слову, концепту), демонстрируя внешнее (формальное) различие между повторяющимися элементами. Второе повторение является «повторением внутреннего различия, включенного в каждый из его моментов» [3, с. 36] [* 6].

- Второе повторение не есть повторение каких-либо элементов, а скорее создает само пространство повторения и определяет его законы. «Второе повторение есть дух любого повторения» [3, с. 41]. «Именно оно – исходный, буквальный и духовный смысл повторения» [3, с. 41].

- Оба типа повторения тесно связаны между собой. Одно повторение сопровождает другое, имплицитно его. «Оба повторения вступают в такое число различных связей, что для изучения случаев их возможного сочетания нужен <...> анализ, который пока еще не проводился» [3, с. 348].

26

Деррида также развивает концепцию повторения, привлекая самый различный материал. В философии Деррида итеративность представляет собой структурную возможность повторения объекта, даже если данный объект существует как уникальный феномен.

Итеративность – это понятие, обозначающее *повторение, предшествующее любому объекту*. «Изначальное повторение» – это не итерация (эмпирическое повторение объектов), а итеративность (повторяемость вообще). «Итеративность – это повторение, которое создает как тождество, так и различие, ибо повторение предполагает и тождество, и различие» [20, с. 170].

Изначальное повторение *не следует* за объектом. (Объект повторяется *после* того, как он уже имеется, существует). Изначальное повторение *предваряет* объект, предшествует ему. *Изначальное повторение конституирует сам объект, показывая, что он должен повторяться для того, чтобы присутствовать, функционировать, существовать*.

Хотя Деррида описывает итеративность на примере понятия, подписи, знака и других элементов, образующих дискурсивную сферу, он подчеркивает, что итеративность имеет более широкий смысл. «Итеративность – это инфраструктура, осуществляющая деконструкцию тождества» [24, с. 213].

27

Деррида утверждает, что любой лингвистический объект (знак, слово, понятие) носит итеративный характер. Для того, чтобы выполнять свою функцию, он должен иметь возможность воспроизводить или репрезентировать себя в различных контекстах: формулах, суждениях, текстах. Без такой возможности объект просто не состоится.

Действительно, «возможность значения определяется возможностью повторения. Слово имеет значение только в том случае, если оно может быть использовано с тем же значением более, чем один раз» [34, с. 60]. «Семантика, значимый аспект языка опирается на правило итеративности» [34, с. 60].

Следовательно, *первична не презентация, не наличие или присутствие объекта*, а то, что делает *его артикулированным, т. е. репрезентацию, репродукция, цитация*. «Сущность наличия, коль скоро она всегда должна повторяться в ином наличии, изначально вскрывает в самом этом наличии структуру представления» [7, с. 506].

Именно по этой причине, – пишет Деррида, – «все начинается с повторения, все начинается с воспроизведения, все начинается с цитации» [8, с. 340]. «Феномен итеративности проявляет себя там, где семантика и синтаксис являются неразделимыми» [34, с. 60].

28

Давайте, – предлагает Деррида, – рассмотрим понятие «знак».

«Знак, который имел бы место только раз, не был бы знаком» [5, с. 69]. «Означающее <...> должно быть способным *повторяться* как таковое» [5, с. 70]. Фонема или графема <...> может функционировать в качестве знака, только если формальная идентичность дает ей возможность *вновь появляться* и быть узнаваемой» [5, с. 70].

Знак тогда обязательно предполагает не только наличие, «но и репрезентацию, причем репрезентацию во всех значениях этого слова: репрезентацию как *Vorstellung*, местоположение идеальности; репрезентацию как *Vergegenwärtigung*, возможность продуктивного повторения вообще; репрезентацию как *Repräsentation*, поскольку каждый означающий случай является заменой (для означаемого) также, как и для идеальной формы означающего» [5, с. 70].

Таким образом, «как только возникает знак, он начинает со своего повторения. Иначе он не был бы знаком, не был бы тем, чем он есть, т. е. той нетождественностью себе, которая постоянно отсылает к тому же самому. То есть к другому знаку, который рождается разделяясь» [5, с. 70].

29

Другой интересный и яркий пример, демонстрирующий, что не только знак, но и его компоненты – означающее и означаемое, – являются итеративными Деррида приводит в книге «О грамматологии»:

«Ни одно означающее <...> не обладает „уникальной и самобытной реальностью“. Означающее с самого начала предполагает возможность собственного повторения, своего образа или подобия. И в этом – условие его идеальности, то, что делает его означающим, позволяет ему функционировать в качестве означающего, связывая его с означаемым, которое, по тем же самым причинам, никогда бы не могло стать „уникальной и самобытной реальностью“» [7, с. 230].

«С того момента, – отмечает Деррида, – как только возникает знак (т. е. изначально), мы никогда не встретим „реальность“ в чистом виде, „уникальную“ и „самобытную“» [7, с. 230]. Она всегда уже вписана в игру знаков, т. е. в игру присутствия и отсутствия, замещения и дополнения, различия и повторения [* 7].

Здесь мы видим *точку пересечения позиций двух философов*. Деррида и Делез солидарны в том, что «повторение – это сила языка» [3, с. 350]. Но акценты расставляют иначе. Делез ищет различие *между* повторениями [3, с. 102], а Деррида сосредоточен на различии *внутри* повторения [20, с. 6-8].

30

Итак, Деррида постулирует, что знак имеет повторяемый характер. Знак, который не появляется в *другой* ситуации, в *другое* время или при *других* обстоятельствах, не может быть знаком. «Итеративность показывает, что все, относящееся к языку, обязано определенной логике, которая связывает повторение и инаковость» [20, с. 7] [* 8].

Итеративность инициирует не только *игру знаков*, выступая основой семиозиса, производства знаковых форм. Она также инициирует *игру значений*, запуская процесс образования семантических связей и цепочек.

Действительно, если слово имеет разные значения, то использование его в различных контекстах открывает поле семантической игры. Но одни теоретики считают, что игра ограничивается главным значением слова и носит конечный характер, а другие, в том числе

Деррида, настаивают на *отсутствии центрального значения* и утверждают *бесконечность игры*.

Это касается не только отдельного означаемого, но и трансцендентального означаемого. «Отсутствие трансцендентального означаемого раздвигает поле и возможности игры значений до бесконечности» [8, с. 448]. Именно *отсутствие* главного референта создает *присутствие* конкретных значений, вводя их в игру.

31

Поскольку в концепции Деррида семантическая игра присходит благодаря отсутствию (нехватке) трансцендентального означаемого, то *итеративность связана с избытком означаемого. Итеративность Деррида соответствует второму повторению в типологии Делеза.*

Итеративность Деррида напоминает аргумент Делеза о референции, т. е. аргумент против того, что одно слово презентует только один объект [см.: 13, с. 3-25]. Поскольку слово повторяемо, то разные контексты придают ему не просто множество смысловых оттенков [* 9], но также позволяют обозначать разные объекты (в случае метафорического переноса).

Деррида отмечает, что определяя основное (прямое) значение слова путем вычитания из всех случаев или контекстов использования слова каких-либо частных и второстепенных (косвенных) значений, исследователь всегда будет испытывать затруднение. Кроме того, применяя метод вычитания, он увидит, что результирующая метка все равно будет повторяемой.

Для того, чтобы проиллюстрировать это более детально, Деррида предлагает простой эксперимент. Рассмотрим два случая. Допустим, что в первом случае результирующая метка окажется повторяемой, а во втором случае – не повторяемой.

32

Рассмотрим первый вариант. Если результирующая метка повторяема, то это говорит о том, что один и тот же знак или слово может обозначать совсем *другое*, чем то, что мы подразумеваем. Здесь «итеративность изменяет, паразитически контаминируя то, что она идентифицирует и делает возможным: повторение знаком или словом самого себя» [20, с. 63].

Теперь рассмотрим второй вариант. Допустим, что результатом процедур вычитания окажется не повторяемый знак. Тогда мы получим успех в продуцировании метки с одной – и только одной! – сигнификацией. Эта метка – не-итерабельный знак. Однако такой успех равносильен поражению. Ведь знак, который не повторяется, ничего не означает. Не-итерабельный знак – это не-знак.

Оба случая приводят к общему итогу. «Итеративность, – пишет Деррида, – не оставляет нам выбора, кроме как означать *другое*, чем то, что мы подразумеваем; итеративность позволяет нам сказать нечто *иное*, чем то, что мы говорим или предполагаем, намерены или желаем сказать» [20, с. 63].

Таким образом, итеративность Деррида, которая связывает повторение и инаковость, отвечает второму повторению Делеза, т. к. именно она создает игру значения и выражает *vis repetiva*, силу повторения, конституирующую работу мысли и языка.

33

Тогда остается последний, самый интригующий вопрос: *что в концепции Деррида соответствует первому повторению из типологии Делеза?* Я полагаю, что *differance*. Поскольку первое повторение связано с пучком различий и неполнотой концепта, то *differance* – идеальная кандидатура.

Подобно пучку различий в философии Делеза, *differance* Деррида также производит различия. «*Differance* – это не-полный, не-простой, структурирующий и дифференцирующий источник различий» [18, с. 11]. Данное определение *differance* содержит два тонких нюанса, которые принципиально важны для нашего обсуждения.

С одной стороны, *differance* – это то, что порождает различия. Следовательно, *differance* позитивно и аффирмативно. «*Differance* – это активный, находящийся в движении диссонанс различных сил и различий между силами, который Ницше противопоставлял всей системе метафизической грамматики» [18, с. 18]. Но с другой стороны, *differance* не-полно и, тем самым, не-аффирмативно.

Это две стороны различия, которые Деррида, вслед за Батаем, называет экономической и не-экономической. Парадокс состоит в том, – пишет Деррида, – что нельзя помыслить экономическое и *одновременно* не-экономическое; тождественное себе и *одновременно* иное по отношению к себе» [18, с. 19].

34

«Если *differance* есть такое *немыслимое*, должны ли мы стремиться к тому, чтобы сделать его очевидным, представив его как философский элемент очевидности?» [18, с. 19]. Если *differance* выходит за рамки юрисдикции *logos'a*, то как его представить в категориях метафизической концептуальности?

Это крайне сложный вопрос. Но я рискну дать ответ.

Экономическая сторона различия – это «негативная» сторона, которая связана с *неполнотой* понятия. Здесь *differance* выступает как «среда, где противопоставляются оппозиции» [6, с. 160]. Соответственно, *differance* работает как «связка противоположностей» или «минимальный консенсус» [20, с. 146].

Не-экономическая сторона различия – это «позитивная» сторона, которая связана с *избытком* понятия. *Differance*, содержащее различие и откладывание, не есть самотождественное понятие [см.: 18, с. 8]. Поскольку же *differance* означает не одну вещь, а сразу несколько, то оно обладает *избытком* значений.

Отсюда интерпретация *differance* всегда будет двойственной: 1) *differance*, где есть нечто такое, что можно объяснить, принять в расчет; т. е. *differance* как предмет логической операции; 2) *differance* как не поддающееся объяснению и учету; т. е. *differance* как не принадлежащее *logos'у* [см.: 18, с. 20].

35

Эксплицируемая *differance* связь присутствия и отсутствия, избытка и нехватки, представления и повторения, отражает аффирмативный аспект подхода Деррида. «Это утверждение (*affirmation*) составляет суть или принцип деконструкции» [11, с. 173].

«Установлением связи между экономией ограниченной и экономией всеобщей мы, – подчеркивает Деррида, – возобновляем проект философии» [18, с. 20]. Экономный, берегающий характер *differance* предполагает, что откладываемое присутствие всегда может быть восстановлено» [18, с. 20]. Соответственно, все связанное с присутствием и, шире, с «метафизикой присутствия», Деррида не отвергает, а сохраняет и деконструирует.

В то же время *differance* показывает, что присутствие как полнота всегда обязано отсутствию, посредством которого присутствие себя определяет. Это очевидно «потому, что *differance* вводит нас в связь с тем, что превышает альтерацию присутствия и отсутствия» [18, с. 20].

Теперь становится ясно, почему *differance* Деррида *коррелирует с первым повторением Делеза*. Именно *отсутствие полного понятия, с которым Делез связывает первое повторение, формирует игру избытка и нехватки, как того, что Деррида ассоциирует с differance*. Функция *differance* – это экспликация игры присутствия и отсутствия.

36

Однако я полагаю, что есть еще третий способ интерпретации *differance* – как резерва того, что может прийти в будущем. Когда Деррида отмечает, что несмотря на всю свою радикальность «*differance* – это метафизическое имя» [18, с. 26], ибо «у того, что превосходит метафизику и всю систему языка и мышления, нет имени» [18, с. 26], то это заявление не случайно.

Если Деррида настаивает на том, что «это неизменно», – причем «неизменно не из-за того, что наш язык еще не получил это *имя*», «а в силу того, что не существует даже *имени* для того, что не есть не только сущность или Бытие, но <...> и постоянно распадается в цепочки различных субститутов» [18, с. 26], – то *differance* выражает Иное по отношению метафизике.

Differance – это тот «пробел, сквозь который просвечивает пока еще безымянный свет, мерцающий *по ту сторону* ограды (*cloture*) метафизики» [7, с. 128]. «Свет, мерцающий *по ту сторону* границ метафизики, есть Иное» [23, с. 17], т. е. сама инфраструктурная возможность философского дискурса.

Иное – это пространство, находящееся *вне* языка, *вне* понятия, *вне* представления. Но оно может быть нам доступно, т. к. *оно конституируется игрой двух повторений*. Иное, или

неизвестное X, имеет *хиазматический характер*. Его организация показывает, что «между двумя повторениями <...> существует *разрыв и контаминация* одновременно» [21, с. 131].

37

Итак, мы видим, что Деррида, развивая концепцию повторения, предлагает четкий и конкретный путь выхода за рамки презентации. Деррида говорит: «да». Он даже настаивает на том, что «да» должно быть *удвоено*: «первое “да” – утверждение (*affirmation*), второе “да” – подтверждение (*confirmation*)» [21, с. 126]. «Только такое *повторение* создает условие открытости “да”» [21, с. 131].

Именно по этой причине, – объясняет Деррида, – «деконструкция не негативна и не есть деструкция – существует утверждение, некое “да”, но такое “да”, которое не является позитивным; это не “позитивное” в противовес “негативному”» [11, с. 173]. *Подобное “да” полностью превышает любую оппозицию*.

Для философа «да» – это то, ради чего осуществляется сама деконструкция. «Это такое “да”, – продолжает он, – без которого не было бы никакой деконструкции. И я пытаюсь сформулировать эти возможности “да”» [11, с. 173], понимая «деконструкцию как креативный процесс в духе “Веселой науки” Ницше» [см.: 19, с. 103].

38

Почему же тогда я в начале статьи отмечаю, что Деррида – «философ отрицания»? Это происходит потому, что *выход за рамки метафизики, прорыв к абсолютному «да» требует отказа от представления, языка, понятия, дискурсивности*, т.е. отказа от всего того, что составляет пространство культуры.

«Мы, – говорит Деррида, – не в состоянии продемонстрировать такую возможность, даже если она есть; она не может быть показана <...> потому, что как только вы захотите ее продемонстрировать, у вас тут же найдется способ придания ей некоторого смысла» [11, с. 172-173]. А это заново будет вписывать ее в круг понятия, ценности, дискурса, презентации.

«Я уверен, – продолжает Деррида, – что <...> не существует чистого “да”. В ряде текстов я показал, что “да” нуждается в *повторении*. Когда говоришь “да”, нужно сказать: “да”, “да”, чтобы подтвердить обещание, согласие. *То, что “да” изначально удвоено или повторено, лишает его чистоты*; “да” может рухнуть, само себя испортить, стать собственной пародией, простым механическим повторением, симулякром» [11, с. 173; курсив мой. – Ю. А.].

«Таким образом, – резюмирует Деррида, – всегда существует возможность контаминации <...> “да” с его двойником, фантомом или симулякром, а потому никогда нельзя быть уверенным в том, что “да” или утверждение состоялось» [11, с. 173]. Оно неизбежно будет вызывать сомнение или спор.

39

Это драматическое видение проблемы преодоления языка метафизики Деррида излагает в художественной форме в книге «О почтовой открытке от Сократа до Фрейда». Здесь Деррида затрагивает вопрос о неметафизическом языке в интимно-лирической и даже иронической манере.

На одной из первых почтовых открыток он обращается к своему воображаемому адресату: «Я хотел бы писать тебе просто, очень просто <...> чтобы языка не касалась метафизичность, как если бы он каждый раз создавался заново и после этого <...> тотчас сгорал без следа» [10, с. 20].

Далее Деррида замечает, что когда один человек говорит другому фразу: «я люблю тебя!», то он хочет сказать ее *просто*, чтобы она прозвучала особенно, уникально и *неповторимо*. Но он понимает, что произнести *очень просто*, без тех коннотаций и контекстов, к которым она отсылает, *абсолютно невозможно*.

Поэтому, даже если мы, подвергая критике метафизику, понятие и представление, мечтаем о словах, которые сгорают сразу после своего употребления, то эта мечта утопична. Ведь если слово станет пеплом, то оно не будет иметь никакого значения и мы, по сути, ничего не сможем сказать.

40

«Мыслить без имени и даже без имени Бытия» [18, с. 27], – пишет Деррида, – это опыт, который вряд ли возможен. Мы лишь *гипотетически разрываем* с языком метафизики, но

практически продолжаем работать с ним, т. к. критика метафизики осуществляется на языке самой метафизики.

А коль так, то «разве не все между нами началось с репродукции? Да, и в то же время, нет; в этом вся трагедия» [10, с. 17]. «Уже внутри каждого знака, каждой метки, каждого штриха присутствует <...> то, что нужно для того, чтобы это было прочитано другим» [10, с. 50].

Репродукция – это не просто почтовая открытка, послание или текст, которыми обмениваются философы в личной или публичной переписке; репродукция – это также повторение и воспроизведение знаков, слов, образов, значений, которое делает возможным любое мышление и коммуникацию.

Таким образом, повторение – неустранимый факт языка. Именно оно определяет работу понятия и, тем самым, организацию знания в целом. Артикуляция главной роли повторения – это важный шаг к пониманию логики когнитивных и коммуникативных процессов.

41

Завершая анализ концепций повторения Делеза и Деррида, я нахожу общей их позицию в том, что тождество и противоречие, которые детерминируют философию со времен Гегеля, ныне уступают место различию и повторению [см.: 3, с. 9], открывая новую парадигму мышления.

Изучая повторение на материале структуры понятия, знака, концепта, значения, Делез и Деррида признают конституирующую роль повторения для языка. Но, проводя свою работу, они используют разные методы, инструменты и процедуры.

Онтологический подход Делеза описывает повторение как нередуцируемое к тождеству и представлению. Квалифицируя повторение как «непонятное различие», он акцентирует дифференциальную и аффирмативную функции повторения.

Деконструкция Деррида маркирует повторение как основу дискурсивных форм, которая обеспечивает построение идеальных объектов. Однако, выявляя неполноту таких объектов, повторение осуществляет критическую функцию в отношении их.

42

Сравнительный анализ концепций повторения Делеза и Деррида показывает, что обе модели совершенно оригинальны. Каждая имеет свое обоснование, систему аргументации, конечный результат. Они работают параллельно и автономно.

Прежде всего, у повторения Делеза и Деррида разный логический статус. Это заметно в проводимой ими критике тождества. Повторение Делеза *отлично* и *разрешимо* по отношению к тождеству. Повторение Деррида – *неразрешимо*; оно не поддается научному идеалу разрешимости.

Кроме того, замещая собой тождество, повторение Делеза становится *новым конституирующим принципом*, а повторение Деррида, иллюстрирующее отсутствие самотождественного первоначала или основания – *квази-конститутивом*.

И, наконец, хотя обе модели дезавуируют тождество, способ его подрыва различен. Итеративность Деррида *расщепляет* тождество; повторение Делеза *мультиплицирует* тождество. Соответственно, итеративность *анти-онтологична*; повторение – *поли-онтологично*.

43

Однако, несмотря на существенное расхождение, между концепциями Делеза и Деррида нет особого противоречия. Они пересекаются в главном и совпадают в деталях. Их сближает не только общая стратегия, но и тактические шаги.

Во-первых, обе модели повторения начинают с критики презентации. Хотя презентация традиционно понимается как «первичный акт», анализ «понятия» Делеза и «знака» Деррида четко показывает, что презентация детерминирована повторением и оказывается «производным актом».

Во-вторых, обе теории опираются на специфическую типологию. У Делеза повторение существует в двух формах, которые совпадают с двумя формами повторения у Деррида. Первый тип повторения Делеза коррелирует с итеративностью Деррида, второй тип повторения Делеза – с *differance* Деррида.

В-третьих, обе концепции создают новый механизм производства значения. Если в классической метафизике значение обусловлено логическими параметрами, то в постмодерне значение определяется повторением и носит исключительно референциальный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

* 1. В «Различии и повторении» Делез упоминает три источника, которые инспирируют его концепцию: 1) теория повторения Кьеркегора («Повторение») [3, с. 18-22]; 2) идея «вечного возвращения» Ницше («Так сказал Заратустра») [3, с. 22-25]; 3) фигура «вынужденного повторения» Фрейда («По ту сторону принципа удовольствия») [3, с. 29-34].

* 2. Определение Делезом различия как откладывания или отсрочки практически совпадает с определением *differance* Деррида, т.к. *differance* сочетает в себе *difference* (различие) и *deferment* (откладывание во времени) [см.: 5, с. 116; 18, с. 8-9].

* 3. В «Различии и повторении» Делез использует слово «концепт» в лингвистическом смысле как презентант. Соответственно, Делез проводит различие между *концептом* как «техническим презентантом» и *Идеей* как «множеством с *n*-параметров» [3, с. 226]. Идея – это то, что позже Делез и Гваттари в книге «Что такое философия?» назовут концептом, определяя «концепт как философскую Идею» [4, с. 18].

Репрезентативный концепт Делез и Гваттари считают пропозициональным концептом [см.: 4, с. 137, с. 143] и отличают его от «креативного философского концепта», когда говорят, что «философия – это дисциплина, состоящая в творчестве концептов» [4, с. 41]. Поэтому в работе «Что такое философия?» *концепт* обозначает то, что в «Различии и повторении» обозначает *Идею*.

* 4. «Вульгаризованное лейбницианство» – позиция, которая редуцирует философию Лейбница к тезису, что отражение каждой монады в любой другой монаде подразумевает, что есть только один полный концепт [14, с. 444].

* 5. Рассматривая два типа повторения в отношении к концепту, Джо Хайгес утверждает, что «первый тип повторения *предполагает (presupposes)* концепт, а второй тип повторения *продуцирует (produces)* концепт» [26, с. 35].

* 6. Если «первое повторение описывает сходство или эквивалентность между двумя вещами, разделенными во времени», то «второе повторение конституирует данное сходство» [26, с. 27]. «Первое повторение касается эффекта, а второе – причины» [26, с. 27].

* 7. Ср.: «Повторение существует только в графике дополнительной, добавляющей к нехватке полной единицы другую единицу, которая должна ее заместить, будучи одновременно и достаточно той же, и достаточно иной, чтобы замещать» [6, с. 214]. «Избыток означающего, его дополнительный характер, есть, таким образом, результат полноты, т.е. результат нехватки, которая должна быть восполнена» [8, с. 462].

* 8. «Итеративность, возможность повторения – это то, что в рамках любого высказывания, превышает само высказывание как таковое, выходя за пределы его пространственного, темпорального или интенционального контекста. Итеративность выражает саму возможность сказать <...> об “одной и той же вещи” в различных контекстах» [31, с. 169].

* 9. «Любой знак, лингвистический или нелингвистический, устный или письменный, фонический или графический <...> может разрывать с любым конкретным контекстом, порождая бесконечное число новых контекстов» [20, с. 12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадью А. Делез. Шум бытия / Ален Бадью; [пер. с франц. Д. Н. Скопин]. – М.: Прагматика культуры, Логос-альтера, 2004. – 185 с.
2. Витгенштейн Л. Голубая книга / Людвиг Витгенштейн; [пер. с англ. В. П. Руднев] // Витгенштейн Л. Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2005. – С. 341-418.
3. Делез Ж. Различие и повторение / Жиль Делез; [пер. с франц. Н. Б. Маньковская, Э. П. Юровская]. – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с.
4. Делез Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Гваттари Ф.; [пер. с франц. С. Н. Зенкин]. – СПб.: Алетейя, 1998. – 286 с.
5. Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля / Жак Деррида; [пер. с англ. С. Г. Калинина]. – СПб.: Алетейя, 1999. – 208 с.
6. Деррида Ж. Диссеминация / Жак Деррида; [пер. с франц. Д. Ю. Кралечкин]. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 608 с.
7. Деррида Ж. О грамматологии / Жак Деррида; [пер. с франц. Н. С. Автономова]. – М.: Ad Marginem, 2000. – 511 с.

8. Деррида Ж. Письмо и различие / Жак Деррида; [пер. с франц. Д. Ю. Кралечкин]. – М.: Академический проект, 2000. – 495 с.
9. Деррида Ж. Позичії / Жак Деррида; [пер. з франц. А. Ситник]. – К.: Дух і літера, 1994. – 158 с.
10. Деррида Ж. Послания / Жак Деррида; [пер. с франц. Г. А. Михалкович] // Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только. – Мн.: Современный литератор, 1999. – С. 7-400.
11. Деррида Ж. Философия и литература: беседа с российскими философами / Жак Деррида; [пер. с англ. Е. Петровская] // Жак Деррида в Москве. – М.: РИК Культура, 1993. – С. 151-186.
12. Baross Z. A Fourth Repetition / Z. Baross // *Deleuze and Philosophy* / [ed. by C. Boundas]. – Edinburg: Edinburg University Press, 2006. – pp. 98-116.
13. Bearn G. Derrida Dry: Iterating – Iterability – Analytically / G. Bearn // *Diacritics*. – 1995. – Vol. 25. – № 3. – pp. 3-25.
14. Bearn G. Differentiating Derrida and Deleuze / G. Bearn // *Continental Philosophy Review*. – 2000. – Vol. 33. – pp. 441-0465.
15. Boutin F. Difference et repetition: ouvre de simulacre / F. Boutin // *Protee*. – 1999. – Vol. 27. – № 3. – pp. 119-124.
16. Caputo J. Radical Hermeneutics: Repetition, Deconstruction and Hermeneutic Project / J. Caputo. – Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1987. – 319 p.
17. Conway D. Tumbling Dice: Gilles Deleuze and Economy of Repetition / D. Conway // *Symploke*. – 1998. – Vol. 6. – № 1. – pp. 7-25.
18. Derrida J. Differance / J. Derrida; [transl. by A. Bass] // *Derrida J. Margins of Philosophy*. – Chicago: University of Chicago Press, 1982. – pp. 1-27.
19. Derrida J. Ja ou le faux bond / J. Derrida // *Digraphe*. – 1977. – № 11. – pp. 84-212.
20. Derrida J. Limited Inc. / J. Derrida; [transl. by S. Weber and J. Mehlman]. – Evanston, IL: Northwestern University Press, 1988. – 224 p.
21. Derrida J. Nombre de oui / J. Derrida // *Qui Parle*. – 1988. – Vol. 2. – № 12. – pp. 120-133.
22. Derrida J. Nous autres Grecs / J. Derrida // *Nos Grecs et Leurs Moderness: Les Strategies contemporaines d'appropriation de l'antiquite* / [ed. par B. Cassin]. – P.: Seuil, 1992. – pp. 251-278.
23. Derrida J. The Villanova Roundtable: A Conversation with Jacques Derrida / J. Derrida // *Deconstruction in a Nutshell: a Conversation with Jacques Derrida* / [ed. by J. Caputo]. – New York: Fordham University Press, 1997. – pp. 3-28.
24. Gasche R. The Tain of Mirror: Derrida and the Philosophy of Reflexion / R. Gasche. – Cambridge: Harvard University Press, 1986. – 348 p.
25. Gendron S. Repetition, Difference and Knowledge in the works of Samuel Beckett, Jacques Derrida and Gilles Deleuze / S. Gendron. – N. Y.: Peter Lang, 2008. – 112 p.
26. Hughes J. Gilles Deleuze's «Difference and Repetition» / J. Hughes. – L. & N. Y.: Continuum, 2009. – 218 p.
27. May T. Reconsidering Difference: Nansy, Derrida, Levinas and Deleuze / T. May. – State College, PA: Pennsylvania State University Press, 1997. – 208 p.
28. Nealon J. Differance and Repetition: Derrida and Deleuze on Performative Force / J. Nealon // *International Assotiation for Philosophy and Literature: Papers of International Congress (11 May 2000)*. – Albany: State University of New York Press, 2000. – pp. 21-24.
29. Pearson K. A. Germinal Life: Difference and Repetition of Deleuze / K. A. Pearson. – L. & N. Y.: Routledge, 2003. – 270 p.
30. Poutianen H. Iteration and Truth: a Fifth Orientation of Thought / H. Poutianen // *Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy*. – 2013. – Vol. 9. – № 3. – pp. 166-182.
31. Rendal S. Translation, Quotation, Iterability / S. Rendal // *TTR: Traduction. Terminologie. Redaction*. – Montreal: Universite de Montreal, 1997. – Vol. 10. – № 2. – pp. 167-189.
32. Schwab G. Derrida, Deleuze, Psychoanalysis / G. Schwab. – N. Y.: Columbia University Press, 2007. – 212 p.
33. Scott Ch. Practices of Repetition / Ch. Scott // *Symploke*. – 1998. – Vol. 6. – № 1. – pp. 118-134.
34. Stocker B. Derrida on Deconstruction / B. Stocker. – L. & N. Y.: Routledge, 2006. – 212 p.

35. Streicher F. «Difference et repetition» chez Deleuze / F. Streicher // Sciences Humaines. – 2005. – № 3. – pp. 3-11.
36. Ticineto P. Auto-affection: Unconscious Thought in the Age of Teletechnology / P. Ticineto. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000. – 221 p.
37. Vatter M. Maciavelly, Historical Repetition and French Philosophies of Difference / M. Vatter // Current Continental Theory and Modern Philosophy / [ed. by St. A. Daniel]. – Evanston, IL: Northwestern University Press, 2009. – pp. 3-20.
38. Williams J. Gilles Deleuze's «Difference and Repetition»: A Critical Introduction / J. Williams. – Edinburg: Edinburg University Press, 2003. – 218 p.